

Орхан Памук

Наивный
и сентиментальный
писатель

Санкт-Петербург

УДК 82.09
ББК 83.3
П 15

Orhan Pamuk
THE NAIVE AND THE SENTIMENTAL NOVELIST
Copyright © Orhan Pamuk, 2010
All rights reserved

Перевод с турецкого Михаила Шарова
Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-26823-4

© М. С. Шаров, перевод, 2024
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2024
Издательство Азбука®

Что происходит
у нас в голове, когда
мы читаем роман?

Роман — это вторая жизнь. В романе, словно во сне — из тех, о которых писал Жерар де Нерваль¹, — мы видим краски и неразбериху нашей жизни, встречаем множество будто бы знакомых лиц, да и знакомых вещей там тоже полным-полно. Читая роман — так же, как и во сне, — мы порой бываем настолько поражены необычностью того, с чем сталкиваемся, что забываем, где мы на самом деле, и верим, что и впрямь попали в средоточие придуманных событий, в общество придуманных людей. В такие моменты нам кажется, что воображаемый мир, который так нам нравится, куда реальнее настоящего. А это часто приводит к тому, что мы начинаем считать происходящее в романах реальностью или, во всяком случае, смешивать его события с события-

¹ Жерар де Нерваль (1808–1855) — французский поэт и прозаик романтического направления. Его роман «Аврелия, или Мечта и жизнь» начинается словами: «Сон — это вторая жизнь». — *Здесь и далее примеч. перев.*

ми реальной жизни. Но эта иллюзия, эта наивность отнюдь нас не огорчает — напротив, подобно тому, как иногда бывает во сне, нам хочется, чтобы роман, который мы читаем, не кончался и явленная нам вторая жизнь продолжала разворачиваться перед нашими глазами, внушая ощущение своей реальности и подлинности. Несмотря на то что мы знаем, что такое вымысел и художественная литература, нас раздражает и удручает, если роман не может подарить нам иллюзию подлинной жизни.

Видя сон, мы считаем его реальностью — так уж устроены сны. Читая роман, мы тоже считаем происходящие в нем события реальными, но при этом часть нашего разума прекрасно помнит, что это не так. Это противоречие происходит из самой природы романа. Для начала отметим, что этот вид искусства возможен лишь благодаря человеческой способности одновременно верить в противоречащие друг другу вещи.

Я читаю романы уже сорок лет. За это время я убедился: подобно тому, как мы можем неодинаково относиться к романам, уделяя им больше или меньше внимания и душевных сил, воспринимая их легкомысленно или со всей серьезностью, так и читать их мы можем совершенно по-разному: поверяя прочитанное логикой

Что происходит у нас в голове, когда мы читаем роман?

или задействуя только краешек мозга; глазами или силой воображения; так, как хочется нам, или так, как хочет книга. А иногда мы читаем всем своим существом. В молодости я, бывало, с головой погружался в романы, читал упоенно, забывая обо всем. В те годы (между 1970-м и 1982-м, с восемнадцати до тридцати лет) мне очень хотелось поведать о том, что происходит в моей голове и в моей душе, когда я читаю роман, — подобно художнику, который четко и ясно изображает на картине яркий, пестрый, полный жизни пейзаж со всеми его горами, холмами, долинами, лесами и реками.

Так что же происходит в наших головах и душах, когда мы читаем романы? И чем это отличается от того, что мы чувствуем, когда смотрим фильм, глядим на картину или слушаем стихи, пусть даже эпическую поэму? Порой роман может доставить то же удовольствие, что и чье-нибудь жизнеописание, поэзия, картина или сказка. Однако воздействие, которое он оказывает на нас, по сути своей очень сильно отличается от воздействия других литературных жанров, кино или живописи. Чтобы объяснить это отличие, мне, наверное, стоит начать с рассказа о том, что происходило со мной, и о сложных образах, рождавшихся в моем воображении,

когда я, будучи молодым, страстно читал романы.

Подобно посетителю музея, которому хочется, чтобы картина, которую он созерцает, воздействовала прежде всего на его зрение, я наслаждался действием, конфликтом и богатством декораций. Мне в равной степени нравилось тайно наблюдать за чужой личной жизнью и заглядывать в темные закоулки на заднем плане. Не надо думать, будто возникающая внутри меня картина всегда была полна бурных событий. В юности при чтении романов моему внутреннему взору иногда являлся просторный, ясный, исполненный спокойствия пейзаж. Порой мерк свет, черное и белое четко отделялись друг от друга, напозали тени. Бывало и так, что я удивленно чувствовал, будто вселенная соткана из какого-то совершенно особенного света. А по временам повсюду царили сумерки, и весь мир становился единым чувством, обретал единый стиль — и тогда я понимал, что это мне нравится, и догадывался, что читаю книгу именно ради этой атмосферы. Все дальше уходя вглубь мира, существующего в романе, я замечал, как постепенно тают в моей голове тени всего того, что я делал, прежде чем начал перелистывать страницы, сидя у себя дома в стамбульском районе Бешикташ. Выпитый стакан воды, разговор

Что происходит у нас в голове, когда мы читаем роман?

с мамой, мимолетные мысли, мелкие обиды — все исчезало.

Я ощущал, как отдаляются от моего сознания оранжевое кресло, в котором я сидел, дурно пахнущая пепельница, комната с ковром на полу, крики мальчишек, играющих на улице в футбол, далекие парходные гудки — и как передо мной слово за словом, предложение за предложением открывается новый мир. По мере того как я переворачивал страницы, этот новый мир обретал яркость и резкость, в точности как те тайные рисунки, которые постепенно проступают на бумаге под воздействием реагента; линии, тени, события и герои становились все отчетливее. На этом начальном этапе меня очень удручало и раздражало все, что замедляло проникновение в мир романа и мешало запоминать и воссоздавать силой воображения персонажей, события и разные подробности. Если, например, я забывал, кем именно приходится главному герою его дальний родственник или где лежит ящик с пистолетом, или же никак не мог понять скрытого смысла какого-нибудь разговора, точно зная, что этот потайной смысл есть, подобные вещи меня чрезвычайно тревожили. Мои глаза жадно глотали слово за словом, а я тем временем, испытывая одновременно тревогу и наслаждение, нетерпеливо ждал, когда

же наконец все встанет на свои места. В такие моменты все двери моего восприятия распахивались настежь, как у пугливого зверька, попавшего в совершенно незнакомое окружение, и движение моих мыслей ускорялось, принимая едва ли не панический характер. Чтобы приспособиться к миру, в который постепенно проникал, я напряженно старался сфокусироваться на излагаемых автором подробностях и, можно сказать, выбивался из сил, только бы превратить слова в картинки, оживить их своим воображением.

Некоторое время спустя изматывающие усилия давали результат и, подобно огромному матерiku, во всем своем великолепии внезапно явившемуся из тумана, передо мной представала вождеденная общая картина происходящего. Теперь я уже мог следить за действием романа, не особенно напрягаясь, словно человек, который посиживает у окна и смотрит на улицу. Своего рода моделью чтения романа мне представляется та сцена из «Войны и мира», где Пьер Безухов смотрит с вершины холма на Бородинскую битву.¹ Множество подробностей, тонко сплетенных воедино и припасенных для нас в ро-

¹ Имеется в виду батарея Раевского на Курганной высоте, где Пьер Безухов случайно оказывается во время сражения.

Что происходит у нас в голове, когда мы читаем роман?

мане, которые, как нам казалось, необходимо удерживать в памяти, в этой сцене становятся видны, будто на картине. У читателя возникает впечатление, словно он оказывается не в окружении слов, а перед холстом, на котором запечатлен некий ландшафт. Здесь определяющее значение имеет не только внимание писателя к визуальным деталям, но и способность читателя с помощью собственного воображения преобразовывать слова в огромную картину. Даже читая книгу, действие которой разворачивается не в огромном мире, на полях сражений или на природе, а в четырех стенах, в душной атмосфере замкнутого пространства (хороший пример — «Превращение» Кафки), мы все равно преобразуем прочитанное в визуальный образ, привыкаем к атмосфере этой картины и подпадаем под ее воздействие, так что она становится нам по-настоящему желанна.

Приведу еще один пример, описывающий взгляд из окна и иллюстрирующий то, как можно проникнуть в ландшафт романа во время чтения. Это снова будет Толстой, отрывок из величайшего романа всех времен «Анна Каренина». В Москве Анна уже встретила Вронского. Возвращаясь ночным поездом в Санкт-Петербург, она радуется, что наутро увидит своего сына и мужа.

«Анна... взяла из своей сумочки разрезной ножик и английский роман. Первое время ей не читалось. Сначала мешала возня и ходьба; потом, когда тронулся поезд, нельзя было не прислушаться к звукам; потом снег, бивший в левое окно и налипавший на стекло, и вид закутанного, мимо прошедшего кондуктора, занесенного снегом с одной стороны, и разговоры о том, какая теперь страшная метель на дворе, развлекали ее внимание. Далее все было то же и то же; та же тряска с постукиванием, тот же снег в окно, те же быстрые переходы от парового жара к холоду и опять к жару, то же мелькание тех же лиц в полумраке и те же голоса, и Анна стала читать и понимать читаемое. Аннушка уже дремала, держа красный мешочек на коленях широкими руками в перчатках, из которых одна была прорвана. Анна Аркадьевна читала и понимала, но ей неприятно было читать, то есть следить за отражением жизни других людей. Ей слишком самой хотелось жить. Читала ли она, как героиня романа ухаживала за больным, ей хотелось ходить неслышными шагами по комнате больного; читала ли она о том, как член парламента говорил речь, ей хотелось говорить эту речь; читала ли она о том, как леди Мери ехала верхом за стаей и дразнила невестку и удивляла всех своею смелостью, ей хотелось это делать самой. Но делать нечего было, и она, перебирая своими маленькими руками гладкий ножичек, усиливалась читать».

Что происходит у нас в голове, когда мы читаем роман?

У Анны не получается читать, потому что она не может не думать о Вронском, потому что ей хочется жить. Если бы у нее получилось сосредоточиться на книге, то она смогла бы легко представить себе — и увидеть, словно бы глядя из окна, — как леди Мери садится на коня и скачет за стаей; а потом почувствовала бы, что постепенно проникает внутрь картины, на которую только что смотрела со стороны.

Писатели в большинстве своем догадываются (хотя иногда скрывают это), что начинать чтение романа — все равно что проникать внутрь картины. Давайте вспомним, как начинается «Красное и черное» Стендаля: сначала мы видим городок Верьер и холм, на котором он стоит, издали: белые домики с остроконечными крышами из красной черепицы, группы могучих каштанов, руины городских укреплений... У подножия холма течет река Ду. Потом мы замечаем лесопильню и фабрику ситцев.

Уже на следующей странице мы знакомимся с мэром, одним из важных персонажей книги, и сразу составляем представление о том, что он за человек. Настоящее удовольствие от чтения романа начинаешь получать тогда, когда обретаешь возможность смотреть на его мир не со стороны, а изнутри, глазами обитающих в нем

персонажей. Читая роман, мы перемещаемся от целостной картины к мимолетным мгновениям, от общих рассуждений к конкретным событиям с такой скоростью, какой не может подарить ни один другой литературный жанр. Только что мы со стороны любовались картиной — и вот уже оказываемся внутри размышлений изображенного на ней человека, вникая в оттенки его душевного состояния. Это можно уподобить созерцанию рисунков китайских мастеров: увидев среди скалистых гор, бурных рек и деревьев с мириадами листьев крохотную фигурку человека, мы сосредотачиваемся на нем, а потом пытаемся увидеть всю картину его глазами. (Именно этого китайские художники и добиваются.) И тогда мы понимаем, что ландшафт был сочинен, чтобы отражать мысли, эмоции и представления находящегося в нем героя. Подобно этому, когда мы понимаем, что ландшафт внутри романа есть продолжение и неотъемлемая часть душевного состояния его персонажей, мы замечаем, что плавно перешли к отождествлению себя с ними. Читать роман — значит, удерживая в памяти общую картину, одновременно шаг за шагом открывать для себя мысли и поступки персонажей и определять их значение в общем ландшафте. Теперь мы внутри ландшафта, на который недавно смотрели

Что происходит у нас в голове, когда мы читаем роман?

снаружи, и можем не только любоваться очертаниями гор, но и ощущать идущую от реки прохладу и лесные запахи, разговаривать с героями. Мы все глубже погружаемся в мир романа. Его язык помогает нам сочетать отдаленные и отделенные друг от друга элементы и охватывать единым взглядом и внешний вид, и мысли персонажей.

Когда мы окунаемся в роман, наш мозг напряженно трудится, но уже не так, как у Анны, когда она сидела в шумном поезде, идущем сквозь снег в Санкт-Петербург. Мы непрерывно блуждаем между ландшафтом, деревьями, персонажами, их мыслями — от предметов к воспоминаниям, которые они будят, к другим персонажам, а потом — к общим рассуждениям. Наш мозг и наше восприятие работают изо всех сил, как у пугливого зверька, попавшего в незнакомое место, совершая одновременно множество операций и часто даже их не замечая — словно шофер, не сознающий во время езды, что нажимает на педали, меняет передачи и крутит руль, при этом держа в уме множество правил, обращая внимание на дорожные знаки и не переставая следить за движением.

Сравнение с водителем можно применить не только к читателю, но и к писателю. Многие писатели, сочиняя романы,

не отдают себе отчета в том, какие приемы применяют и какие операции совершают в своей голове; они просто пишут так, словно занимаются самым естественным делом, не думая о том, что пользуются механизмами, которые предоставляет им искусство романа, а некоторые из этих механизмов еще и сами совершенствуют. Предлагаю использовать слово «наивный» для определения таких писателей (и читателей), которые не обращают ни малейшего внимания на техническую сторону писательства (и чтения). Тех же писателей и читателей, которые, напротив, никак не могут забыть об искусственном характере текста и его неспособности отразить реальность, а также обращающих особое внимание на приемы, применяемые при написании романа, и на операции, которые мозг совершает во время его чтения, назовем «рефлектирующими». Чтобы быть писателем, нужно сочетать в себе и наивность, и рефлексию.

Или же быть и наивным, и сентиментальным. Первым об этих противоположных понятиях написал немецкий писатель Фридрих Шиллер, чья знаменитая статья «О наивной и сентиментальной поэзии» («Über naive und sentimentalische Dichtung») была опубликована в 1795 году. Слово «сентиментальный», которое Шил-

Что происходит у нас в голове, когда мы читаем роман?

лер использует для обозначения современного ему поэта, утратившего детскую наивность, неспособного быть естественным и одолеваемого тревожными раздумьями, было заимствовано им из английского языка под влиянием романа Лоренса Стерна «Сентиментальное путешествие». (Приводя в своей статье примеры по-детски наивных гениев, Шиллер наряду с Данте, Шекспиром, Сервантесом, Гёте и даже Дюрером почтительно упоминает и Стерна.) Но не будем задерживаться на разборе изначального смысла этого слова. Достаточно помнить, что определение «сентиментальный» у Шиллера относится к человеку, который слишком далеко ушел от простоты и силы природы и слишком сосредоточен на собственных чувствах и размышлениях. Моя цель — не только достичь глубокого понимания этой статьи Шиллера, которая с юных лет очень мне нравится, но и прояснить с ее помощью (как я всегда это делал наедине с самим собой) свои собственные соображения относительно искусства романа, а также (как я пытаюсь сделать сейчас) ясно и точно их изложить.

В этом знаменитом сочинении, которое Томас Манн назвал «самой прекрасной из всех статей, написанных на немецком языке», Шиллер делит поэтов на

две категории. Наивный поэт — единое целое с природой; подобно ей, он спокоен, жесток и мудр. Стихи у него сочиняются самопроизвольно, он почти не думает, когда пишет, и его вовсе не заботит ни то, какие интеллектуальные или этические последствия будут иметь его слова, ни то, как отреагируют на них другие. Для него, в отличие от современных людей и современных поэтов, поэзия — это что-то вроде естественного и никогда не прекращающегося воздействия природы. Стихи приходят к наивному поэту сами собой из окружающего мира, частью которого он является. Романтическое представление о том, что стихи — это не столько сочинение поэта, который предается размышлениям, старается не выбиваться из размера и постоянно оценивает и критикует написанное, сколько нечто, творимое им безотчетно и даже диктуемое ему природой — или Богом, или некой иной высшей силой, — мы находим и у Кольриджа (испытавшего сильное влияние немецких романтиков) в предисловии к стихотворению «Кубла-хан». (Главный герой моего романа «Снег» поэт Ка, поклонник Шиллера и Кольриджа, следует тому же наивному подходу к сочинительству.) В своей статье, которая по-прежнему восхищает меня при каждом новом прочтении, Шил-

Что происходит у нас в голове, когда мы читаем роман?

лер среди прочих отличительных черт, присущих наивному поэту, упоминает одну, на которую я в особенности хотел бы обратить ваше внимание: наивный поэт никогда не испытывает сомнений в том, что его слова и строки отражают общую картину бытия, правдиво и полно описывают мир и являют читателю его, мира, смысл — который, по правде говоря, не представляет для наивного поэта такой уж неразрешимой загадки.

А вот сентиментального (рефлектирующего) поэта, по мнению Шиллера, прежде всего тревожит, смогут ли его слова отразить реальность и удастся ли ему вложить в них желаемый смысл. Поэтому он напряженно размышляет о стихах, которые пишет, и сознает «рукотворный» характер своих приемов и средств. Наивный поэт никогда не видит особой разницы между своим восприятием мира и самим миром, каков он есть. Современный же, рефлектирующий поэт вечно сомневается в верности своего восприятия. Кроме того, облакая свое восприятие в слова, он заботится о соблюдении ряда принципов — воспитательных, моральных, интеллектуальных.

Знаменитая статья Шиллера, увлекательная и провокативная, — настоящая находка для тех, кому интересны связи

Памук О.

П 15 Наивный и сентиментальный писатель / Орхан Памук ; пер. с тур. М. Шарова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 224 с.

ISBN 978-5-389-26823-4

Орхан Памук — известный турецкий писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 2006 года, автор книг «Имя мне — Красный», «Снег», «Стамбул. Город воспоминаний», «Музей Невинности» и многих других.

В книге «Наивный и сентиментальный писатель», созданной на основе гарвардских лекций, Памук приглашает читателя в мир своих любимых романов, чтобы попытаться раскрыть тайну непреходящего очарования подлинной литературы. Памук предлагает разделить писателей (и читателей) на две категории: «наивных» (способных погрузиться в текст с головой, без оглядки на технику письма и личность автора) и «сентиментальных» (вдумчивых, рефлектирующих, недоверчивых). «Нас ждут писатель и его герои, понятия вымысла и сюжета, вопросы о том, что такое время и что значит „видеть“; мы побываем в музеях и, может быть, как случается в настоящих романах, окажемся в удивительных местах, о существовании которых и не догадывались».

Впервые на русском!

УДК 82.09
ББК 83.3

ОРХАН ПАМУК
НАИВНЫЙ
И СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ
ПИСАТЕЛЬ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Редактор Полина Запалова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Маргарита Ахметова, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.10.2024.
Формат издания 84 × 90 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 9,8. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NFF-35820-01-R